

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2025.14822

EDN: WPNRGS

Чтение сакрального текста в поздних произведениях Л. Н. Толстого

Н. Г. Михновец

*Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

e-mail: mikhnovets@yandex.ru

Аннотация. Чтение сакрального текста рассмотрено в статье как формализованное действие (чтение дьячка в острожной церкви в романе «Воскресение»), как событие, коренным образом изменяющее жизнь героев (Чуев и Пелагеюшкин в повести «Фальшивый купон»), как процесс постепенного приближения героев к высшим истинам (Нехлюдов в финальной части романа «Воскресение», Светлогуб и старик-беспоповец в рассказе «Божеское и человеческое»). Традиционный вид чтения, характеризующийся постижением сакрального слова чтением и слушателем, представлен в рассказе «Где любовь, там и Бог» и в повести «Фальшивый купон». В первом произведении этот вид чтения задан претекстом — рассказом пастора, протестанта-евангелиста Р. Сайленса «Отец Мартин». В свете житийной традиции Толстым освещены принятие евангельских истин и душевный переворот в Пелагеюшкине, герои повести «Фальшивый купон». В связи с традиционным видом чтения Толстой сделал акцент на читателе (слушателе) из простонародья. «Личностный» вид чтения соотношен с героями-посредниками (Кизеветером, миссионером-англичанином в «Воскресении», стариком-беспоповцем в «Воскресении» и в «Божеском и человеческом»), отсылающими слушателей к сакральному тексту и трактующими его по-своему. Толстой показывает, что такой, проповеднический, подход к сакральному тексту ведет к дальнейшему разобщению людей. Понимание же сакрального текста, преодолевающее в человеке искушение сугубо личной интерпретации, преображает не только самого героя-чтеца, но и предопределяет возможность благотворного влияния слов Писания на окружающих. Другой вариант «личностного» вида чтения изображен в финальной сцене романа «Воскресение» и в рассказе «Божеское и человеческое»: рационально мыслящие герои (Нехлюдов, Светлогуб), у которых не было доверия к сакральному тексту, самостоятельно приходят к его пониманию и переживанию. В процессе чтения трансформируется характер интерпретации ими сакрального текста (скепсис сменяется согласием), постепенно минимизируется разница между традиционным видом чтения и «личностным».

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, литература, философия, религия, тип религиозности, сакральный текст, Евангелие, чтение, понимание, интерпретация

Для цитирования: Михновец Н. Г. Чтение сакрального текста в поздних произведениях Л. Н. Толстого // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 1. С. 207–226. DOI: 10.15393/j9.art.2025.14822. EDN: WPNRGS

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2025.14822

EDN: WPNRGS

The Reading of the Sacred Text in the Later Works of Leo Tolstoy

Nadezhda G. Mikhnovets

*Herzen State Pedagogical University of Russia
(St. Petersburg, Russian Federation)*

e-mail: mikhnovets@yandex.ru

Abstract. The reading of the sacred text is considered in the article as a formalized action (reading the sexton in the prison church in the novel “Resurrection,”) as an event that radically changes the lives of the characters (Chuev and Pelageyushkin in the story “The Fake Coupon,”) as a process of gradual approach of the characters to higher truths (Nekhludoff in the final part of the novel “Resurrection,” Svetlogub and the old man-bespopovets in the story “Divine and Human.”) The traditional form of reading, characterized by the comprehension of the sacred word by the reader and listener, is presented in the story “Where Love Is, God Is” and in the story “The Fake Coupon.” In the first work, this type of reading is given by the pretext — the story of the pastor, Protestant Evangelist R. Silence, “Father Martin.” In the light of the hagiographic tradition, Tolstoy highlights the acceptance of evangelical truths and the spiritual upheaval in Pelageyushkin, the hero of the story “The Fake Coupon.” Due to the traditional reading mode, Tolstoy emphasized the reader (listener) from the common people. The “personal” type of reading is correlated with intermediary characters (Kieseweter, the English missionary in The Resurrection, the old man in The Resurrection and in The Divine and the Human), who refer listeners to the sacred text and interpret it in their own way. Tolstoy shows that such a preachy approach to the sacred text leads to further separation of people. Understanding of the sacred text, which transcends the temptation of a purely personal interpretation in a person, transforms not only the hero-reader himself, but also determines the possibility of a beneficial effect of the words of Scripture on others. Another variant of the “personal” type of reading is depicted in the final scene of the novel “Resurrection” and in the story “The Divine and the Human:” rational characters (Nekhludoff, Svetlogub), who had no trust in the sacred text, independently come to understand and experience it. In the process of reading, the nature of their interpretation of the sacred text is transformed (skepticism is replaced by agreement), and the difference between traditional and “personal” reading is gradually minimized.

Keywords: L. N. Tolstoy, literature, philosophy, religion, type of religiosity, sacred text, Gospel, reading, understanding, interpretation

For citation: Mikhnovets N. G. The Reading of the Sacred Text in the Later Works of Leo Tolstoy. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2025, vol. 23, no. 1, pp. 207–226. DOI: 10.15393/j9.art.2025.14822. EDN: WPNRGS (In Russ.)

Протоиерей Георгий Ореханов в книге с броским названием «Лев Толстой. "Пророк без чести": хроника катастрофы» пишет о сложившемся к концу XIX столетия противостоянии между религиозностью «традиционно христианской и церковной» и — «нового типа». Начало истории последней было положено еще в XVI–XVII вв., а продолжение поддержано эпохой Просвещения. «Религиозности нового типа», по его мнению, присущи отрицание чуда и догмы, признание исключительной «власти разума», а также «*новые религиозные формы*»¹ [Ореханов: 17, 50], так в ходе исторического развития заявляет себя «претензия на новое понимание сакрального» [Ореханов: 50]. Заметим, что саму тенденцию модернизации православный священник воспринял критически.

Одним из факторов, характеризующих культурную ситуацию рубежа XIX–XX вв., является изменяющийся характер чтения сакрального текста. Продолжает расширяться и укрепляться давняя традиция чтения на основе выборки², настойчиво заявляет о себе тенденция к обновлению традиционных трактовок. Однако главное заключается в том, что на первый план выходит читатель, взыскующий истины, интерпретирующий этот текст и прокладывающий к ней индивидуальный путь на основе собственного понимания.

Знаменательно появление в 1974 г. книги «Молитвенное чтение Священного Писания» Э. Бьянки, современного итальянского церковного деятеля, проповедника и богослова. Как

¹ Здесь и далее в цитатах, кроме специально оговоренных случаев, курсив источника.

² Факт выделения части сакрального текста из целого имеет в европейской культуре большую историю, начало которой положено еще в XII в. Выборка, чем бы ни была обусловлена ее необходимость в конкретной культуре, не предполагает глубины проникновения в сакральный текст и «усвоения всего изложенного в нем учения» [Амесс: 143].

полагает архимандрит Иосиф (Пустоутов), Э. Бьянки ратует за «возвращение к традиционному чтению и восприятию Священного Писания через святоотеческую традицию, через громадный духовный опыт монашества, опыт, накопленный Церковью Христовой за две тысячи лет ее земного бытия» [Иосиф (Пустоутов), архимандрит: 3]. Подчеркнем, что Бьянки делает акцент на «возвращении».

Толстой мыслил в другой перспективе: необходимо *согласовать* религию и современного человека, это предопределяет «основание новой религии, *соответствующей развитию человечества*³, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической, <...> дающей блаженство на земле». Эту программную дневниковую запись от 4 марта 1855 г. он завершает словами: «Действовать *сознательно* к соединению людей с религией, вот основание мысли, которая, надеюсь, увлечет меня» [Толстой; т. 47: 37, 38].

Толстой прокладывает свой путь к сакральному тексту; в его духовный опыт входило многолетнее и глубокое чтение Библии, при этом Ветхий Завет не был ему интересен. По мнению писателя, относящемуся к началу 1880-х гг., не всякое слово в Новом Завете истинно, и поэтому Церковь должна «отказаться от некоторых книг. Таковы — вполне Апокалипсис и отчасти Деяния Апостолов» [Толстой; т. 24: 17]. В Новом Завете писатель, как известно, выделил четыре Евангелия, а из них как важнейший текст — Нагорную проповедь (см. об этом: [Толстой; т. 66: 66–68]). Е. Г. Новикова справедливо утверждает: «Принципиальный отказ Толстого от акта воскресения Иисуса Христа обусловил его восприятие Евангелия как "великих правил" нравственности, которые могут стать опорой для нравственного воскресения человека; ключевая роль в этом принадлежит Нагорной проповеди» [Новикова, 2020: 62].

Именно и только в евангельских книгах нужно, по убеждению Толстого, «отыскивать самые главные основы учения, не сообразуясь ни с каким учением других книг» [Толстой; т. 24: 17]. Толстой находит в Евангелии понятное ему, то, что ложится на уже имеющийся у него жизненный опыт и отвечает его разуму. Его чтение отличается неприятием религиозной

³ Курсив мой. — Н. М.

мистики и обусловлено поиском ответов на исходные вопросы «что такое я, что такое Бог», а также «единой основы всего откровения» [Толстой; т. 24: 17].

Толстой создал фундаментальный для его дальнейшего творчества труд, названный «Соединение и перевод четырех Евангелий». Он шел к познанию истины аналитическим путем (выборка и систематизация), а его работа на пути приближения к архаическому тексту имела филологический характер (читал по-гречески, переводил с опорой на «лексиконы», учитывал опыт существующих переводов [Толстой; т. 24: 18]).

Обратимся к размышлениям религиозного философа С. Н. Булгакова о существенном расхождении «в отношении к Слову Божию со стороны науки и веры»: одной присущ «метод неверия», а второй — «метод благоговения». «Слова и письмена, начертанные на человеческом языке», являются для любого исследователя лишь «литературно-историческим памятником». Верующее же сознание обращено к их божественному содержанию: «Слова эти *предложены* Духом Святым в Слово Божие, они имеют религиозно-символическую природу, т. е. им присуща религиозная реальность». Евангелие имеет «литургическое, богослужebное употребление: оно читается в храме или же в уединенной молитвенной тиши как Слово Божие» [Булгаков: 97].

Ни тот, ни другой метод не характеризуют толстовское чтение. В целом у Толстого выработался индивидуальный, морально-нравственный подход к сакральному тексту.

Поздний Толстой был внимателен как к традиционному, так и к новому типам религиозности и к разным формам ее проявления — в частности, его живой интерес вызывали многочисленные факты чтения и толкований Библии современниками. Всё это предопределило изображение сцен чтения сакральных текстов в его поздних художественных произведениях⁴.

⁴ На устойчивости мотива чтения Евангелия в художественных произведениях Толстого ранее заострили внимание Е. А. Полтавец [Полтавец: 60–61] и Е. В. Петровская [Петровская: 28]. Сцену чтения Евангелия в финале романа «Воскресение» литературоведы привлекали в ходе сопоставительного анализа со сценами из произведений Достоевского [Новикова, 1999: 174–186], [Пращерук, Кошелева]. Е. А. Масолова охарактеризовала некоторые особенности чтения Евангелия Нехлюдовым [Масолова, 2015b: 30–32].

В круг чтения толстовских героев входят разные книги Нового Завета. Вместе с тем писатель отдает предпочтение ситуациям, когда изначально связь человека с Богом была либо ослаблена, либо прервана. Восстановлению этой связи, как убежден Толстой, способствует чтение Евангелия.

Пристальное внимание к акту чтения сакрального текста в качестве предмета изображения⁵ появилось у Толстого-писателя, по всей видимости, в 1885 г. после ознакомления с анонимным рассказом «Дядя Мартын». Этот русский текст был переделкой французского рассказа «Отец Мартин» (“Le père Martin”, 1882), авторство которого принадлежало пастору, протестанту-евангелисту Рубену Сайленсу. Толстой, не знавший про это, доработал русский анонимный текст-переделку, в результате чего появился назидательный рассказ «Где любовь, там и Бог», адресованный читателю из народа и опубликованный в 1886 г. в издательстве «Посредник»⁶.

Евангельское слово в этом толстовском рассказе либо обширно и точно цитируется, либо пересказывается близко к тексту. Русский анонимный текст-переделка и стоящий за ним французский текст предопределили освещение Толстым истории и процесса чтения Евангелия простолудином сапожником Мартыном Авдеичем — в переходах от одного этапа к другому, вплоть до созерцания Спасителя в разных образах.

Это единственный случай, когда толстовское изображение чтения как события и процесса может быть соотнесено с теми особенностями традиционного чтения сакрального текста, о которых позднее, через сто с лишним лет, напишет Э. Бьянки. Он охарактеризует чтение сакрального текста глубоко верующим человеком как последовательное, внимательное и усердное, вдумчивое и медленное. Читатель следует по пути приближения к высоким смыслам истины, раз за разом «пережевывая»

⁵ Болгарская исследовательница Д. Чавдарова опубликовала в 1997 г. обобщающий труд «Номо Legens в русской литературе XIX века», где оговорила случаи чтения Библии [Чавдарова: 103–105]. О. Д. Кошелева и Н. В. Пращерук пришли к выводу о существовании в романном творчестве Ф. М. Достоевского метасюжета чтения вслух Священного Писания, они же представили свод работ современных достоевсковедов, проанализировавших сцены чтения сакральных текстов [Кошелева, Пращерук].

⁶ История создания и публикаций этого произведения описана А. И. Никифоровым [Толстой; т. 25: 681–686].

и «перемалывая» текст. Это особый способ чтения, при котором особую роль обретает память. Читателю, опирающемуся на нее, необходимо «вновь и вновь возвращаться к тексту, находить его главную тему, перебирать слова и запечатлевать их глубоко в сердце» [Бьянки: 36]. Богослов полагает, что «постижение текста существенно зависит от понимания Библии изнутри, от познания Библии через саму Библию...» [Бьянки: 35]. Затем для верующего открываются следующие ступени: медитация, молитва и созерцание Бога [Бьянки: 36, 37, 42].

В рассказе «Где любовь, там и Бог» и повести «Фальшивый купон» (1904) обширно цитируемое авторитетное Слово звучит и воздействует на героев-чтецов, героев-слушателей напрямую; роль же читающего для других (Марии Семеновны, портного, Ивана Чуева) сведена к минимуму; указаны лишь отдельные особенности восприятия простым мужиком Степаном Пелагеюшкиным сакрального текста (соотнесение с опытом собственной жизни, ориентация на «общий смысл» учения и уход от того, что «не подтверждало его», относилось к собственному «непониманию» [Толстой; т. 36: 38]). В этом произведении Толстой отмечает характер влияния Слова на разных слушателей: портной «прочел пять глав Матвея, стали толковать. Все слушали, но принял только один Иван Чуев. И так принял, что стал во всем жить по-Божьему. И в семье его так жить стали» [Толстой; т. 36: 27].

В повести «Фальшивый купон», в отличие от рассказа «Где любовь, там и Бог», событие преобразования героя — Степана Пелагеюшкина — под воздействием Евангелия восходит к другим историко-культурным основаниям: оно вписывается в хорошо известную Толстому традицию житийного сюжета⁷, построенного по модели *грех — преступление — преобразование*. В «кризисных житиях» чудо раскаяния, внезапный «переворот» совершается силой Божественного вмешательства (хотя и при посредничестве увещательного слова праведника и примера праведности)» [Гродецкая: 165]. Убедительность события для толстовского читателя поддерживается многовековой житийной традицией. Вместе с тем подчеркнем: художественные

⁷ На эту традицию как значимую для раскрытия темы исследования мое внимание обратила Л. Е. Кочешкова.

решения в изображении сцен чтения в этих двух произведениях в целом отвечают традиционной религиозности.

«Воскресение» — последний роман Толстого, создававшийся в конце XIX столетия и идущий в русле «религиозного кризиса русского общества» [Ореханов: 77, 78]. В нем писатель ставит сущностные вопросы жизни, вглядывается в современного человека, вопрошающего, в чем смысл жизни, и взыскующего обрести Бога⁸. То же относится и к позднему толстовскому рассказу «Божеское и человеческое».

В финале романа «Воскресение» и в рассказе «Божеское и человеческое» (1906) предстает другой, «личностный», вид чтения сакрального текста, который предопределен возросшей ролью личности читателя и его предыдущим интеллектуальным, психологическим, социальным опытом. В эпизодах и сценах романа описаны публичное чтение вслух или цитирование по памяти, а также чтение в одиночку и про себя, в рассказе же представлена только последняя разновидность (в одиночку и про себя). В эпизодах и сценах чтения участвуют герои-читатели, герои-посредники, слушатели⁹.

⁸ К примеру, в аспекте духовных исканий современная исследовательница М. А. Воскресенская рассматривает философию и литературу Серебряного века [Воскресенская].

⁹ В целом в этих произведениях сложилась поэтика изображения сцен чтения сакрального текста. Автор выбирает и мотивирует, кто именно из героев произведения выступит в качестве читателя сакрального текста, указывает или нет на конкретное место в Библии, определяет значение чтения сакрального текста в духовной жизни героя. Герой читает про себя и (или) вслух, читает для себя в одиночку или для слушателя (слушателей). Если чтение адресовано другим, то персонаж становится посредником. В той или иной мере он включается в интерпретацию прочитанного, занимая определенную позицию — от нейтральной до проповеднической. Автор передает степень психологического напряжения, испытываемого одним или несколькими персонажами (чтецом и слушателями). Герой читает громко или тихо, интонируя или нет, в сакральном или мирском пространстве. Пространству может быть уделено особое внимание, его образ моделируется в плане объема, цветописы, светописы и др. Повествователь характеризует те или иные особенности чтения (разовое или постоянное и т. д.). В композиционном плане чтение сакрального текста может лечь в основу эпизода или отдельной сцены, получить статус особого события в художественном целом произведения. Чтение текста изображается как событие (в плане проблематики и поэтики) и как процесс. В последнем случае сакральный текст обязательно цитируется — выборочно, точно или неточно.

В роман «Воскресение» с самого начала введена тема посредника между сакральным словом и слушателями. Чтение Молитвослова обрамляет московскую сцену богослужения в острожной церкви. Дьячок читает «несколько стихов из Деяний Апостолов» так, что его слушателям «ничего нельзя было понять» [Толстой; т. 32: 135]. Романист подчеркивает исключительно формальный характер представленной части богослужения, косвенно распространяя это качество и на читаемую часть из Нового Завета.

Однако в дальнейшем тема посредника усложняется. В петербургском высшем свете слушают проповедника Кизеветера. В финальной части произведения эта тема активизирована в двух сценах: на пароме и в тюрьме. Здесь появляются персонажи, цитирующие новозаветный текст. Во всех случаях акцент поставлен не на самом сакральном слове и его безусловном принятии, а на его *интерпретации* тем или иным человеком.

В сцене на пароме старик-беспоповец выступает и как посредник между словом Писания и слушателями-попутчиками, и как проповедник. Он то и дело апеллирует к евангельскому тексту, однако каждый раз цитирует его неточно. Беспоповцу важнее всего высказать собственное выстраданное знание о современной жизни, и он наполняет Слово злободневным для себя содержанием.

Факт чтения современным человеком Евангелия высоко оценивался поздним Толстым. Вместе с тем писателя настораживало не только стремление современников толковать сакральный текст на свой лад, но и обосновывать Евангелием свою непримиримую позицию в борьбе с существующим в социуме злом. Все это в целом, по его убеждению, вело к дальнейшему разобщению людей.

В толстовских романах складывается устойчивая ситуация: в жизни главного героя, испытывающего глубокий духовный кризис, происходит судьбоносная встреча (князь Андрей Болконский беседует с Пьером Безуховым на пароме, Пьер общается с Платоном Каратаевым и т. д.). В таком контексте можно было бы с уверенностью предположить, что встреча на пароме со случайным попутчиком сыграет важнейшую роль

в истории духовных исканий Нехлюдова, однако ожидаемое толстовским читателем не состоялось¹⁰: автор «Воскресения» перенес кульминацию на сцену чтения героем Евангелия наедине с самим собой. Толстой ранее, в 1878 г., отметил в записной книжке:

«С Богом нельзя иметь дело, вмешивая посредника и зрителя, только с глаза на глаз начинаются настоящие отношения; только когда никто другой не знает и не слышит, Бог *слышит тебя*» [Толстой; т. 48: 187].

В финальной части романа «Воскресение» и в позднем толстовском рассказе «Божеское и человеческое» акцент сделан на уединенном чтении Евангелия, определившем процесс духовного преобразования героев, — начало ему положено в финале романа, а продолжение следует в рассказе.

В изображении события и процесса чтения Нехлюдовым и Светлогубом есть общее и отличное. В этих произведениях Евангелие начинают читать те герои, чья связь с Богом ранее была прервана. Толстой-художник концентрирует внимание на факторах, являющихся залогом «встречи» современного неверующего человека с сакральным словом. Сапожник Мартын Авдеич («Где любовь, там и Бог») сразу с доверием относится к новозаветному тексту, живительное Слово воздействует на него и изменяет его жизнь. Иван Чуев («Фальшивый купон») тотчас «принял» высокие истины. Однако у Нехлюдова и Светлогуба, весьма далеких от народной жизни, нет почвы для подобной реакции. Неслучайно к чтению Евангелия каждый из них обращается лишь из прагматического интереса.

Чтение сакрального текста, как и в случае с литературным текстом, предвосхищено ожиданием, заданным жизненным

¹⁰ Именно эта ситуация объясняет разноречивую в оценке персонажа в исследовательской литературе. Одни исследователи считают, что этот образ не играет существенной роли в завершении романа ([Жданов: 371–375], [Ломунов: 121], [Масолова, 2015b: 430–431]), а другие придерживаются противоположного мнения ([Тарасов: 28], [Густафсон: 217], [Плюханова: 851]). Поляризация исследовательских точек зрения закономерна: с одной стороны, встреча со стариком стала важным импульсом к чтению Евангелия, однако, с другой стороны, с образом беспоповца в финал романа «Воскресение» вошли и другие смыслы, не все из них были близки Толстому.

опытом. В рассказе «Божеское и человеческое» о Светлогубе, начавшем чтение, сказано:

«Всё это было то самое, чего он ожидал: какая-то запутанная, ни на что ненужная бессмыслица!» [Толстой; т. 42: 202].

При этом повествователь подчеркнул: до тюремного заключения молодой человек ни разу не читал Евангелие как книгу, т. е. полностью.

Процесс выборочного чтения Евангелия Нехлюдовым включает в себя несколько этапов. К первому этапу относятся начало чтения и отличающая этот процесс динамика переходов от доверия к сакральному тексту — к его скептическому восприятию и наоборот.

Нехлюдов начинает чтение с 1–6-го стихов 18-й главы Евангелия от Матфея, пропуская их через себя. Особенно выделяет 4-й стих («Итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном»), вспоминая при этом о ситуациях из собственной жизни, когда «умалял себя» [Толстой; т. 32: 440]. Происходит, как и в случае чтения любого литературного текста (см. об этом: [Изер: 221–222]), активизация читательской памяти, а также идентификация с прочитанным.

Толстой вводит и в роман, и в рассказ тему труднодостижимых мест сакрального текста для рационально мыслящего человека. В рассказе «Божеское и человеческое» скепсис со стороны молодого человека, читающего первые главы Евангелия от Матфея, нарастает: стихи о родословии Иисуса Христа отнесены к «бессмыслице», одно из искушений Христа, поставленного «на крыле храма» дьяволом (Мф. 4:5–6), иронически низведено до предложения исполнить «гимнастическое упражнение с крыши» [Толстой; т. 42: 202].

Автор каждый раз отмечает, с каким именно фрагментом текста связаны преодоление героями скепсиса и раздражения, восстановление доверия, готовность сделать усилие и включиться в процесс постижения смысла читаемого. Уже на первом этапе чтения Нехлюдов подспудно стал вникать в сакральный текст и в ходе этого мыслительного процесса постепенно перешел от интеллектуального восприятия в область переживаний.

Затем следует второй этап. Изменение в восприятии и понимании Нехлюдовым стихов Евангелия происходит к 33-му стиху:

«Не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя?»¹¹ (Мф. 18:33).

Состоялось событие открытия Истины, внутренние рассуждения героя разом вышли наружу («вдруг вслух вскрикнул»), и давний, многолетний распад на внешнюю жизнь и никогда не затухающую внутреннюю был преодолен.

Нехлюдов понимает, что искомый им ответ лежит в высшей сфере. На ужас, который он сполна узрел в тюрьмах и острогах, есть ответ — «тот самый, который дал Христос Петру»:

«...прощать всегда, всех, бесконечное число раз прощать» [Толстой; т. 32: 442].

И в этот момент Нехлюдову открывается простота в той ее глубине, в какой у человека возникает уверенность в возможности «практического разрешения вопроса» [Толстой; т. 32: 442]. Толстовский герой впервые начинает видеть жизнь современников в новом свете: «общество и порядок» существуют не благодаря наказаниям, а вопреки им, ибо «люди всё-таки жалеют и любят друг друга» [Толстой; т. 32: 443].

Нехлюдов, духовно прозревающий, в процессе чтения Евангелия возвращается к началу текста, а затем — на этом новом, только что обретенном духовном основании — выходит к качественно иному пониманию Нагорной проповеди («он нынче в первый раз увидал в этой проповеди <...> простые, ясные и практически исполнимые заповеди...») [Толстой; т. 32: 443]). В рассказе «Божеское и человеческое» представление этого этапа в чтении почти повторено.

На следующем этапе происходит существенный сдвиг в духовной жизни Нехлюдова. В следовании заповедям-«правилам» Нехлюдову видится «единственный разумный смысл человеческой жизни» [Толстой; т. 32: 444]. Теперь герой, как губка, «впитывал в себя то нужное, важное и радостное, что

¹¹ В рассказе «Божеское и человеческое» подобное изменение связано с чтением стихов из Евангелия от Луки (Лк. 9:23–25).

открывалось ему в этой книге» [Толстой; т. 32: 444]. Душа вбирает в себя высшие смыслы, они ей понятны.

По Толстому, происходит возвращение человека к самому себе:

«И всё, что он читал, казалось ему знакомо, казалось, подтверждало, приводило в сознание то, что он знал уже давно, прежде, но не сознавал вполне и не верил» [Толстой; т. 32: 444].

В процессе чтения Евангелия и благодаря этому чтению знание, изначально заключенное в глубинах души Нехлюдова, впервые проступает в сфере его сознательной жизни — и неверие сменяется верой.

Звучит внутренний голос самого героя, подводящий итог в событии чтения Евангелия неточной цитатой из него:

«Ищите Царства Божия и правды Его, а остальное приложится вам» [Толстой; т. 32: 444].

Герой начинает преодолевать сосредоточенность на собственной жизни, ощущая себя частью «мы». Согласно контексту финальной сцены «Воскресения» Нехлюдов обретает просветленную Евангелием веру в возможность изменений в социальной жизни, действенная сила которых заключается в умалении собственной личности, в прощении, милосердии и любви людей друг к другу.

Нехлюдов еще только вступил на религиозный путь, событие выхода героя за пределы собственного я лишь намечено романистом, его восприятие Евангелия «нравственно-центрированное» (выражение Г. Ореханова [Ореханов: 99]). Все это объясняет, почему история чтения Евангелия, намеченная в финальной сцене «Воскресения», будет продолжена в рассказе «Божеское и человеческое». Светлогуб — изначально лишь в силу обстоятельств одиночного заточения, но затем и по собственному желанию — постепенно, день за днем, погружается в медленное и вдумчивое чтение. Теперь он переосмысляет путь жизни людей и начинает верить в возможность самому жить иначе.

Чтение наполняет новым содержанием его жизнь, он восходит к духовному переживанию Евангелия, и это преображает его. На Светлогуба, которого везут на казнь, смотрит из окна тюремной камеры старик-беспопеец (этот персонаж

появился здесь из финальной части «Воскресения») — и описание молодого человека глазами этого случайного свидетеля исполнено евангельской образностью. Старик узрел выходящего из тюрьмы «юношу с светлыми очами», в «белой руке» которого было Евангелие, затем увидел, что «колесница с сидевшим в ней светлым, как ангел, юношей <...> выехала за ворота» [Толстой; т. 42: 209]. Главный герой позднего рассказа (в отличие от Нехлюдова) озарен высшим светом, он вступил в жизнь вечную, его жизнь после смерти продолжена в других людях.

Тема чтения сакрального текста тесно связана в толстовских произведениях с темой тюрьмы. Всех героев, цитирующих или читающих сакральный текст (кроме англичанина-миссионера и дьячка), объединяет ситуация кризиса, обусловленная уже свершенным ими прежде преступлением (преступлением) или морально-нравственных обязательств, или того или иного устава, закона Российской империи. Движение героев-читателей (как крестьянина, так и дворянина) к постижению высших смыслов Евангелия предстает как духовное преодоление оков.

Итак, тема чтения сакрального текста становится константной в творчестве позднего Толстого. Эпизоды и сцены чтения в «Воскресении», «Фальшивом купоне», «Божеском и человеческом» соотносятся друг с другом в свете проблемы разрыва между современной жизнью и заповедями Христа. По Толстому, путь к преодолению этого разрыва невозможен без обращения современного человека к Евангелию.

Чтение сакрального текста изображено Толстым как формализованное действие, как событие и как процесс. В первом случае чтение происходит в церкви, во втором — чтецы и слушатели из народа разом и доверительно принимают евангельские истины, в третьем — на первый план выходят относящиеся к господскому классу герои, которые самостоятельно прокладывают свой путь к пониманию.

Чтение как событие опирается на традиционный тип чтения, а чтение как процесс, включающий интерпретацию, предполагает «личностный» вид чтения. Очевидно, что в большей степени писатель доверяет уединенному постижению сакрального текста (при этом характер интерпретации меняется

от скепсиса к принятию) и настороженно относится к посредническому, таящему в себе, по его мнению, опасность дальнейшего разобщения людей, ибо значимость собственной интерпретации остается высокой.

Главное, по Толстому, заключается в *понимании* евангельского текста. В целом же для него важны как традиционный, так и «личный» виды чтения. Писатель замечает, что в «личном» чтении не только появляются новые особенности, но и возрождаются традиционные.

Напомним, протоиерей Георгий Ореханов, имея в виду жизнь и творческое наследие позднего Толстого, критически отнесся к тенденции «нового понимания веры и религиозности». Позиция священника понятна. Если же рассуждать исходя из мирских представлений, то нельзя не согласиться с Н. А. Бердяевым, который указал на парадокс: «Л. Толстому суждено сыграть большую роль в религиозном возрождении России и всего мира», он «заставил христианский мир задуматься над своей нехристианской, полной лжи и лицемерия жизнью. Он — страшный враг христианства и предтеча христианского возрождения» [Бердяев: 465, 466].

Допустимо сказать, что толстовские герои-читатели Евангелия в чем-то предвосхищают время «бедной веры» XX столетия, т. е. «веры в Бога, лишенной признаков конкретного вероисповедания, отвлеченной от исторических, национальных, церковных традиций; веры без храма, догм и обрядов» [Эпштейн: 267]. Однако ограничить этих героев только такой перспективой вряд ли возможно: они еще не имели опыта грядущей широкомасштабной эпохи атеизма.

Чуев и Пелагеюшкин, Нехлюдов и Светлогуб остаются в памяти русской литературы как читающие Евангелие, а старик-беспопoveц — как преодолевший (от романа «Воскресение к рассказу «Божеское и человеческое») тяготение к Апокалипсису и направивший свой духовный взор к Евангелию. Каждый из них по-своему меняется, а Чуев, Пелагеюшкин и Светлогуб духовно преображаются.

Список литературы

1. Амесс Ж. Схоластическая модель чтения // История чтения в западном мире от Античности до наших дней / сост. Кавалло Г., Шартье Р. М.: Фаир, 2008. С. 138–160. (Сер.: Библиотечный бестселлер.)
2. Бердяев Н. А. Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Л. Толстого // Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. М.: Искусство, 1994. Т. 2. С. 461–483.
3. Булгаков С. Н. Первообраз и образ: в 2 т. М.: Искусство; СПб.: Инапресс, 1999. Т. 1: Свет не вечерний. 416 с.
4. Бьянки Э. Молитвенное чтение Священного Писания. Молитва Слово / пер. с ит. Ю. А. Гинзбург. М.: Путь, 2003. 79 с.
5. Воскресенская М. А. Специфика религиозного мирозерцания российской культурной элиты конца XIX — начала XX века // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. СПб., 2008. № 11 (78). С. 34–41 [Электронный ресурс]. URL: [https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/11\(78\)/voskresenskaya_11_78_34_41.pdf](https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/11(78)/voskresenskaya_11_78_34_41.pdf) (10.11.2024). EDN: JVYXOD
6. Гродецкая А. Г. Ответы предания: жития святых в духовном поиске Льва Толстого. СПб.: Наука, 2000. 264 с.
7. Густафсон Р. Ф. Обитатель и чужак. Теология и художественное творчество Льва Толстого. СПб.: Акад. проект, 2003. 480 с. (Сер.: Современная западная русистика.)
8. Жданов В. А. Творческая история романа Л. Н. Толстого «Воскресение». Материалы и наблюдения. М.: Сов. писатель, 1960. 450 с.
9. Изер В. Процесс чтения: феноменологический подход // Современная литературная теория: антология / сост., пер., примеч. И. В. Кабановой. М.: Флинта, 2004. С. 201–224.
10. Иосиф (Пусуготов), архимандрит. Предисловие // Бьянки Э. Молитвенное чтение Священного Писания. Молитва Слово / пер. с ит. Ю. А. Гинзбург. М.: Путь, 2003. С. 3–4.
11. Кошелева О. Д., Пращерук Н. В. О метасюжете чтения вслух в романах Достоевского // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2021. Т. 27. № 2. С. 102–109 [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.urfu.ru/index.php/Izvestial/article/view/5198> (10.11.2024). DOI: 10.15826/izv1.2021.27.2.034. EDN: SYFVPE
12. Ломунов К. Н. Над страницами «Воскресения». М.: Современник, 1979. 384 с.
13. Масолова Е. А. Дискурсивные стратегии автора в романе Толстого «Воскресение» // Материалы Толстовских чтений 2014 г. в Государственном музее Л. Н. Толстого. М.: Оригинал-макет, 2015. С. 25–32. (а)
14. Масолова Е. А. Евангельский текст в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. Вып. 13. С. 421–435 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1456398186.pdf (10.11.2024). EDN: VJUJTV (b)

15. Новикова Е. Г. Софийность русской прозы второй половины XIX в.: евангельский текст и художественный контекст. Томск: Томск. гос. ун-т, 1999. 254 с.
16. Новикова Е. Г. Евангельский текст в русской литературе последней трети XIX в. Томск: Томск. гос. ун-т, 2020. 96 с.
17. Ореханов Г., протоиерей. Лев Толстой. «Пророк без чести»: хроника катастрофы. М.: Воскресение: Эксмо, 2016. 608 с.
18. Петровская Е. В. Что читают герои Л. Н. Толстого? (Книги и чтение в «Войне и мире») // Лев Толстой и мировая литература: мат-лы III Междунар. науч. конф. Тула: Ясная Поляна, 2005. С. 21–32. EDN: RYWJXJ
19. Плюханова М. Б. Творчество Толстого: лекция в духе Ю. М. Лотмана // Л. Н. Толстой: pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. СПб.: РХГИ, 2000. С. 822–857. (Сер.: Русский путь.)
20. Полтавец Е. А. Семантика книги в «Войне и мире» Л. Н. Толстого // Яснополянский сборник: 2016. Тула: Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 2017. С. 56–65.
21. Пращерук Н. В., Кошелева О. Д. О двух эпизодах чтения евангельского текста в романах «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского и «Воскресение» Л. Н. Толстого // Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский — о судьбах мира и человечества поверх барьеров времени: сб. науч. ст. по итогам XVII Барышниковских чтений. Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2021. С. 44–50. EDN: ZGLCVI
22. Тарасов А. Б. Праведники и подвижники и тема воскресения в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» // Филологические науки. 2001. № 5. С. 21–29.
23. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.; Л.: Худож. лит., 1928–1958.
24. Чавдарова Д. Номо Legens в русской литературе XIX века. Шумен (Болгария): Аксиос, 1997. 142 с.
25. Эпштейн М. Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М.: Новое лит. обозрение, 2017. 616 с.

References

1. Amess Zh. The Scholastic Model of Reading. In: *Istoriya chteniya v zapadnom mire ot Antichnosti do nashikh dney* [The History of Reading in the Western World from Antiquity to the Present Day]. Moscow, Fair Publ., 2008, pp. 138–160. (Ser.: Library Bestseller.) (In Russ.)
2. Berdyaev N. A. The Old and New Testaments in the Religious Consciousness of Leo Tolstoy. In: *Berdyaev N. A. Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva: v 2 tomakh* [Berdyaev N. A. Philosophy of Works, Culture and Art: in 2 Vols]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1994, vol. 2, pp. 461–483. (In Russ.)
3. Bulgakov S. N. *Pervoobraz i obraz: v 2 tomakh* [Prototype and Image: in 2 Vols]. Moscow, Iskusstvo Publ., St. Petersburg, Inapress Publ., 1999, vol. 1. 416 p. (In Russ.)

4. B'yanki E. *Molitvennoe chtenie Svyashchennogo Pisaniya. Molitva Slovu* [*Prayer Reading of the Holy Scriptures. Prayer to the Word*]. Moscow, Put' Publ., 2003. 79 p. (In Russ.)
5. Voskresenskaya M. A. Specific Character of the Religious Outlook of the Russian Cultural Elite at the Turn of the 20th Century. In: *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena* [*Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*]. St. Petersburg, 2008, no. 11 (78), pp. 34–41. Available at: [https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/11\(78\)/voskresenskaya_11_78_34_41.pdf](https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/11(78)/voskresenskaya_11_78_34_41.pdf) (accessed on November 10, 2024). EDN: JVYXOD (In Russ.)
6. Grodet'skaya A. G. *Otveti predaniya: zhitiya svyatykh v dukhovnom poiske L'va Tolstogo* [*Answers of Tradition: Lives of the Saints in Tolstoy's Spiritual Search*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000. 264 p. (In Russ.)
7. Gustafson R. F. *Obitatel' i chuzhak. Teologiya i khudozhestvennoe tvorchestvo L'va Tolstogo* [*Resident and Stranger. A Study in Fiction and Theology of Leo Tolstoy*]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2003. 480 p. (Ser.: Modern Western Russian Studies.) (In Russ.)
8. Zhdanov V. A. *Tvorcheskaya istoriya romana L. N. Tolstogo "Voskresenie". Materialy i nablyudeniya* [*The Creative History of the Novel "Resurrection" by L. N. Tolstoy. Materials and Observations*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1960. 450 p. (In Russ.)
9. Izer V. The Reading Process: a Phenomenological Approach. In: *Sovremennaya literaturnaya teoriya: antologiya* [*Modern Literary Theory: an Anthology*]. Moscow, Flinta Publ., 2004, pp. 201–224. (In Russ.)
10. Joseph (Pustoutov), Archimandrite. The Preface. In: B'yanki E. *Molitvennoe chtenie Svyashchennogo Pisaniya. Molitva Slovu* [*Bianchi E. Prayer Reading of the Holy Scriptures. Prayer to the Word*]. Moscow, Put' Publ., 2003, pp. 3–4. (In Russ.)
11. Kosheleva O. D., Prashcheruk N. V. On the Metaplot of Reading Aloud in the Novels by F. M. Dostoevsky. In: *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* [*Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1: Issues in Education, Science and Culture*], 2021, vol. 27, no. 2, pp. 102–109. Available at: <https://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia1/article/view/5198> (accessed on November 10, 2024). DOI: 10.15826/izv1.2021.27.2.034. EDN: SYFVPE (In Russ.)
12. Lomunov K. N. *Nad stranitsami "Voskreseniya"* [*Over the Pages of "Resurrection"*]. Moscow, Sovremennik Publ., 1979. 384 p. (In Russ.)
13. Masolova E. A. Discursive Strategies of the Author in Tolstoy's Novel "Resurrection". In: *Materialy Tolstovskikh chteniy 2014 g. v Gosudarstvennom muzee L. N. Tolstogo* [*Materials of the Tolstoy Readings in 2014 at the Leo Tolstoy State Museum*]. Moscow, Original-maket Publ., 2015, pp. 25–32. (In Russ.) (a)
14. Masolova E. A. Evangelic Verses in L. Tolstoy's Novel "Resurrection". In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2015, issue 13, pp. 421–435.

- Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1456398186.pdf (accessed on November 10, 2024). EDN: VJUJTV (In Russ.) (b)
15. Novikova E. G. *Sofiynost' russkoy prozy vtoroy poloviny XIX v.: evangel'skiy tekst i khudozhestvennyy kontekst* ["Sophiynost'" of the Russian Prose in the Second Half of the 19th Century: the Gospel Text and Artistic Context]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 1999. 254 p. (In Russ.)
  16. Novikova E. G. *Evangel'skiy tekst v russkoy literature posledney treti XIX v.* [The Gospel Text in Russian Literature of the Last Third of the 19th Century]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2020. 96 p. (In Russ.)
  17. Orekhanov G., Archpriest. *Lev Tolstoy. "Prorok bez chesti": khronika katastrofy* [Leo Tolstoy. "A Prophet Without Honor": a Chronicle of the Disaster]. Moscow, Voskresenie Publ., Eksmo Publ., 2016. 608 p. (In Russ.)
  18. Petrovskaya E. V. What Do L. N. Tolstoy's Characters Read? (Books and Reading in "War and Peace"). In: *Lev Tolstoy i mirovaya literatura: materialy III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Leo Tolstoy and World Literature: Proceedings of the 3d International Scientific Conference]. Tula, Yasnaya Polyana Publ., 2005, pp. 21–32. EDN: RYWJXJ (In Russ.)
  19. Plyukhanova M. B. Tolstoy's Works: as the Lecture of Yu. M. Lotman. In: *L. N. Tolstoy: Pro et Contra. Lichnost' i tvorchestvo L'va Tolstogo v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley: antologiya* [L. N. Tolstoy: Pro et Contra. The Personality and Works of Leo Tolstoy in the Assessment of Russian Thinkers and Researchers: Anthology]. St. Petersburg, Russian Christian Humanities Institute Publ., 2000, pp. 822–857. (Ser.: The Russian Way.) (In Russ.)
  20. Poltavets E. A. Semantics of the Book in "War and Peace" by L. N. Tolstoy. In: *Yasnopolyanskiy sbornik: 2016* [Yasnaya Polyana Collection: 2016]. Tula, Museum-Estate of L. N. Tolstoy "Yasnaya Polyana" Publ., 2017, pp. 56–65. (In Russ.)
  21. Prashcheruk N. V., Kosheleva O. D. About Two Episodes of Gospel Reading in the Novels "Crime and Punishment" by F. M. Dostoevsky and "Resurrection" by L. N. Tolstoy. In: *L. N. Tolstoy i F. M. Dostoevskiy o sud'bah mira i chelovechestva poverkh bar'erov vremeni: sbornik nauchnykh statey po itogam XVII Baryshnikovskikh chteniy* [L. N. Tolstoy and F. M. Dostoevsky on the Fate of the World and Humanity Beyond the Barriers of Time: a Collection of Scientific Articles Based on the Results of the 17th Baryshnikov Readings]. Lipetsk, Lipetsk State Pedagogical University Named After P. P. Semenov-Tyan-Shansky Publ., 2021, pp. 44–50. EDN: ZGLCBI (In Russ.)
  22. Tarasov A. B. The Righteous and the Ascetics and the Theme of the Resurrection in Leo Tolstoy's Novel "Resurrection". In: *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 2001, no. 5, pp. 21–29. (In Russ.)
  23. Tolstoy L. N. *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 tomakh* [The Complete Works: in 90 Vols]. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1928–1958. (In Russ.)

24. Chavdarova D. *Homo Legens v russkoy literature XIX veka* [*Homo Legens in Russian Literature of the 19th Century*]. Shumen (Bulgaria), Aksios Publ., 1997. 142 p. (In Russ.)
25. Epshteyn M. N. *Proektivnyy slovar' gumanitarnykh nauk* [*Projective Dictionary of the Humanities*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 616 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Михновец Надежда Геннадьевна, Nadezhda G. Mikhnovets, PhD (Филология), Associate Professor, Professor, Head of the Department of Russian Literature, Herzen State Pedagogical University of Russia (nab. reki Moyki 48, Saint Petersburg, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0674-1964>; e-mail: mikhnovets@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 12.11.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.01.2025

Принята к публикации / Accepted 16.01.2025

Дата публикации / Date of publication 14.02.2025